

Евдокия Петровна Ростопчина

Поединок

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Евдокия Петровна Ростопчина

Поединок / Евдокия Петровна Ростопчина – М.: Книга по Требованию, 2011. – 52 с.

ISBN 978-5-4241-2566-9

Мистическая литература всегда пользовалась неизменно повышенным интересом у читателей всех народов. Русская мистическая проза не является в этом плане исключением. Она имеет истинно народные корни и полностью основана на легендах и преданиях, глубокий философский смысл которых нашел свое отражение во многих произведениях наших отечественных классиков, в числе которых не последнее место занимала Е.П. Ростопчина.

ISBN 978-5-4241-2566-9

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Евдокия Петровна Ростопчина
ПОЕДИНОК

*Дохнула буря - цвет прекрасный
Увял на утренней заре...
Тому назад одно мгновенье
В сем сердце бились вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь;
Теперь, как в доме опустелом,
Все в нем и тихо, и темно...*

А. Пушкин

Знаете ли вы, где и как удобнее познаются человек, его наклонности и привычки, даже его чувства и обычное расположение его мыслей?

Я берусь вам это сказать: на военной квартире, там, где вы не найдете ничего условного, куда не следуют за кочующим ни суетность тщеславия, ни лицемерность самолюбия; там, где человек бывает собственно собою, где самостоятельность каждого отражается около него во всей простоте, во всей суровости походной, не нарумяненной жизни.

В гостиной, я разумею в гостиной образованного человека, есть много ненужного, много стороннего; в гостиной все обдуманно и приготовлено для приема, для одного наружного вида; ее устроили не хозяин, но обойщик и столяр; из нее исключены необходимости и потребности вашей вседневной жизни, жизни задушевной и тайной. Кабинет, это святилище мыслящего существа, обыкновенно закрыт и недоступен у того, кто любит занятие и дорожит часами уединения. У прочих кабинет есть великолепный обман, нечто во вкусе тех несчастновыдуманных храмов, которыми в конце прошлого столетия французы украшали свои сады. Здания возвышались как будто для принятия алтарей всех богов мифологии, но оставались пусты и необитаемы, а иногда обращались в соблазнительные будуары и увеселительные павильоны. Точно то же происходит с кабинетами нашего времени: вы увидите в них и письменный стол, заваленный бумагами и перьями, и спокойные кресла для любителя занятий, и чернильницы разных видов, и кипы бумаги; но хозяин, когда не принимает посетителей, занят единственно чищением ногтей и войною с мухами и пылью, нарушающими спокойную чистоту и бесшумный порядок его мебелировки. О! как я ненавижу вас, модные, напрасные, безжизненные кабинеты, пустые декорации бесцветной драмы, неловкое, глупое подражание самодовольной посредственности, кабинеты, уставленные изваянными и гравированными искажениями людей великих, непонимаемых своими жалкими почитателями, кабинеты, где последователь моды развесил по стенам своим портреты славных людей, не постигая величия души их.

Сын оружия, всегда готовый сложить свою ставку, чтобы идти вслед за кочевым знаменем, не успевает захватить с собою ничего излишнего, ничего для прихоти или приличия. Он бросил, он забыл все изысканности жизни, которые, нужны ли они или не нужны, окружают нас, горожан. Подобно древним, всюду неразлучным с своими пенатами, он выбрал себе в вечные спутники предметы своих занятий, своей привязанности, своих воспоминаний. Если случайно попала в запас его какая-нибудь безделка, вещь без цели и назначения для посторонних, будьте уверены, что в ней есть что-нибудь заветное, дорогое, что с нею сопряжена тайна ее владельца, что она занимает неотъемлемое место в тесном

кругу его быта. Вся повесть военного вмещается в его походном чемодане. Зато какое обширное поле догадок и предположений открыто физиологу во временном жилище, где военный отдыхает мимоходом, месяц, неделю, день, смотря по обстоятельствам; зато как все в этом жилище полно занимательностью, - как на всех предметах отражается нрав жильца! Каждый из них составляет резкую черту в характерическом целом! Они или освящены чистыми воспоминаниями его детства, или залогом знойной поры страстей, или свидетели тихой думы. Рядом с неминуемым оружием, с бессменными принадлежностями службы, вы увидите любимую книгу (если ваш воин читает), трубку, которая верно сопутствовала ему во всех трудностях и опасностях ремесла, и не раз докуривалась и гасла без ведома его в его руках, когда он погружался в память минувшего или в мечту о будущем, этом будущем военного, где блеск славы и сияние желаемых крестов непременно затемнены дымом сражения и потоками крови. Иногда вам представляются изображения родителя, друга, нежной матери; чаще миниатюра милой или карандашом набросанный абрис любимой лошади. Вам может на единственном столе попасть под руку безличный силуэт, в котором одни глаза любовника умудрились найти сходство, потому что его воображение дополняет и дорисовывает черты образа, в нем запечатленного. Порою даже, но очень резко, этот образ обитает в самом сердце, и тогда черный силуэт лучезарен и светел и греет теплою радостью холодные часы разлуки. Но, увы! у большей части молодых людей вы найдете веселые припевы Беранже и соблазнительные рифмы Парни. Разумеется, что и те и другие вечно покрыты замечаниями, прибавлениями, гиероглифами, над которыми трудились и перо, и свинец, и ногти. Это-то и любопытно! - Подобно испещренная книга заклеяна читателем, присвоена им; он породил собственные ощущения с чужими мыслями сочинителя, возражал против них, и если ему через много лет придется опять развернуть эту книгу, то он найдет в ней отголосок себя самого вместе с памятником давно прошедшего, которое никогда не теряет своих прав над нашими сожалениями, хотя бы мы припоминали в нем несравненно более черных полос горя, чем светлых арабесков. Жаль, что такие архивы поручаются обыкновенно страницам, недостойным их сохранять! Мне по сердцу старинные обычаи наших прабабушек, которые на белых местах наследственного молитвенника записывали все достопамятные дни своей тихой, домашней жизни, летописи безгрешные и краткие, неизвестные свету, как самые героини их.

Но, кажется, я не про это с вами говорила, и мне странно, что сцепление моих мыслей могло меня перебросить к безмятежным бабушкам от мятежных слухаев походной жизни их потомков.

После утомительно медленных походов, когда полк приходит на желанную квартиру, каждый спешит водвориться, убраться, быть у себя. Собственность каждого мало-помалу приводится в порядок. Дымная, грязная изба принимает вид некоторой опрятности, дотоле ей неизвестной; ковры защищают оконницы от солнца и пол от стужи. Все принадлежности временного хозяина располагаются по удобнейшим местам, то есть всякая из них там, где может скорее броситься в ищущие их глаза.

У нас все прибрано, все скрыто и неприметно во множестве вещей и украшений, изобретенных роскошью и общежитием, но тут, в тесноте и недостатке, трудно подчинить предметы условному устройству, трудно даже скрасть улику

слабости. Предатель штоф избличает поклонника Вакха; колода карт доносит на игрока.

II

Однако и физиолог, и наблюдатель задумались бы не раз, войдя в избу, где стоял полковник Валевиц. Мудрено было бы им уяснить себе свои впечатления, разгадать видимое ими. Это жилище казалось созданным нарочно, чтобы сбивать все догадки и упреждать все заключения на счет жильца. Его товарищи уверяли, что хандра находила на них, когда они засиживались у него, а рядовые и денщики, когда служба или случай призывали их к полковнику, крестились, переступая порог, и отчурывались на возвратном пути. Вечером народ обходил с ужасом это запретное жилище, и в селах, где стаивал Ф...ский гусарский полк, долго-долго говорили не без трепета и не без удивления о причудливых обычаях странного Валевица, того высокого и бледного полковника, с седеющими черными кудрями и никогда не улыбающимся лицом.

Куда ни приходил Валевиц с своим эскадроном, всюду его комната обивалась снизу доверху черным сукном. Его кровать имела совершенно вид и форму гроба и была из черного дерева, на винтах, чтобы удобнее складываться на дорогу. Над письменным столом, который равно обит был черным, висел всегда пистолет, и ничья рука, кроме руки полковника, не прикасалась к нему. Но и сам полковник никогда не употреблял его. Пистолета не заряжали, не чистили; он был не любимым оружием, но таинственным залогом чего-то давнишнего, чего-то мрачного и незабвенного.

Под ним в стену вколачивался крючок, а на крючке висела пуля, приделанная к петле. Ее величина и соразмерность явно доказывали, что она некогда служила зарядом своему соседу. Ржавчина съедала пулю, ржавчина старая и красноватая, да еще виднелись на ней какие-то неизгладимые пятна; говорили, что это были следы запекшейся крови. Конечно, кровь эту с намерением не смывали...

На столе днем и ночью горела лампада, выделанная из человеческого черепа, сквозь отверстия коего проливалось унылое сияние, озарявшее стоявшую за лампадою картину, голову молодого человека редкой красоты. Горизонтальное положение этой головы, ее закрытые глаза и осунувшиеся черты, ее желтоватые оттенки достаточно свидетельствовали, что она была списана с мертвеца. Но ничего болезненного, ничего страдальческого не было заметно в этом списке; разрушение не обезобразило лица юноши; медленная борьба со смертью не наложила на него заранее печати тления, и он, безжизненный, являлся еще в полном цвете жизни и молодости. Явно было, что смерть нечаянно схватила его, что громовый удар прервал биение его сердца, остановил в его жилах кипящую кровь. Он был так милостив, так хорош, так привлекателен, что нельзя было смотреть на него равнодушно. Его красота была из тех, которые предвещают силу, мысль, страсти, и, взирая на закрытые глаза, нельзя было не угадывать, что некогда они горели, сияли и очаровывали. Выражение и игра физиономии покинули благородные черты лица, но в них еще отражался отблеск прекрасной души; но луч небесный озарял его высокий лоб, полный идеальной чистоты; но улыбка еще не совсем слетела с побледневших уст. Голова была окружена прозрачной пеленою облаков, и мастерство художника умело заставить ее отделиться от них так искусно, что она казалась совсем выдавшеюся из богатой черного дерева рамы, украшенной золотою резьбою.

За этим столом, перед этою необыкновенною картиною, проводил Валеви́ч большую часть дней, а иногда и безмолвные часы ночи. Разумеется, думы его не могли быть светлыми и веселыми в присутствии таких предметов, и потому, быть может, не сообщал он никому своих дум. Он вел жизнь однообразную, выходил по долгу службы или необходимости и не охотно принимал своих сослуживцев. Когда же кто из них навещал его, Валеви́ч немедленно закрывал занавесом картину, и лампаду, и пистолет - и никому не дозволено было рассмотреть их вблизи. Его привычки были известны; им никто не противоречил.

Валеви́ч так сроднился с своею чудною комнатою, что сосредоточил в ней всю жизнь свою; он обжился с нею, как монах с своею кельею. Ему неловко было вне ее, он избегал всех случаев быть в другом месте. Многие полагали, что он предан отвлеченным наукам и уединяется, чтобы заниматься ими свободно. Но в опровержение этого мнения замечали, что у него никогда не видали ни книг, ни какого-либо ученого предмета. Ни один журнал не доходил до него; ничто не показывало, чтоб он занимался чем-нибудь другим, исключая своих мыслей или своих воспоминаний.

Этот особенный образ жизни, это строгое одиночество Валеви́ча тем более удивляли всех окружавших его, что судьба видимо создала его для совершенно противной цели. Он имел все, чтоб жить с людьми по-людски и находить счастье и благосклонность на каждом шагу своем. Ему казалось немногим более 35 лет, и, одаренный красивым станом и приятным лицом, он со стороны наружности не должен был ни желать более, ни завидовать другим. Быстрый ум, истинное образование и отличное воспитание равно наделили его в нравственном отношении. Он имел полное право гордиться своими предками и наследственною честью своего имени. Знатность его родства и связей давали ему место в блестящем кругу общества. Даже богатство осыпало его своими дарами, чтобы этому баловню судьбы не за что было упрекнуть ее.

Подобные преимущества возбудили сначала зависть офицеров Ф...ского полка, когда Валеви́ч, еще в цветущей молодости своею, был переведен к ним из гвардии за какой-то проступок, которого начальники не разглашали, оберегая чувствительность виноватого и гордость его родственников. Все взоры обращены были на нового сослуживца с вниманием, выжидавшим только случая, чтобы обратиться в неприязнь. Но вскоре неизлечимая задумчивость Валеви́ча и все признаки душевного страдания, замеченные в нем, доказали наблюдателям, что он был более достоин сожаления, нежели зависти. Самолюбие успокоилось; безбидный пришлец сделался для всех предметом участия и доброжелательства.

Но любопытство не дремлет даже там, где нет нас, бедных женщин, со времен прабабушки Евы уличенных в любопытстве, и многие старались разузнать подробнее причину немилости, падшей на Валеви́ча, в надежде иметь ключ к истолкованию его странностей и его нелюдимства, потому что он с первой же поры отказался от веселого собратства с другими и зажил своим таинственным бытом. К сожалению любопытных, они не могли узнать ничего о прежней жизни Валеви́ча, и он оставался для них всегда загадочным, всегда непонятным.

III

После Турецкого похода полк, где служил Валиевич и где он отличился подвигами блистательной храбрости, пришел стоять в главный город О...ской губернии, к общей радости жителей, а наиболее жительниц его. Важное событие в летописях провинции приход полка, особенно по заключении славного мира и по окончании победоносной войны. Все оживляется, все стряхивает долгий сон скуки и бездействия. Купец сбывает с рук свои залежалые запасы, матушки готовятся сбыть со двора засидевшихся дочерей, все суетятся и стараются напереыв выставлять товар лицом!.. Во время войны уродилось много хлеба и повыросло много невест, хорошеньких, милых и всяких, а война, завербовав всех недорослей, всех молодых помещиков, так опустошила бедный город, что две зимы протекли без балов, и даже выборы начались, продолжались и кончились без малейшей вечеринки. Следовательно, вступление полка было благовестом восстания и суеты, и всеобщее ликование приветствовало победителей Падишаха.

Любо было посмотреть, как переменялись женские лица, долго окованные великопостою важностью однообразной жизни. Любо было послушать, как стали толковать о нарядах, как стали задабривать отцов и мужей, чтобы выманными пачками цветных бумажек расплатиться с вожделенным московским Кузнецким Мостом. Но предание говорит, что любопытнее всего было заглянуть в сердца девушек или прислушаться к разговорам в уборных и родительским наставлениям домашних комитетов. Как стали вдруг любить прогулки и чистый воздух!.. Как часто стали ходить к обедне!

Дворянство собиралось дать великолепный бал, и все офицеры были приглашены, вообще и частно, вкупе и порознь. Угрюмый Валиевич отказался было от приглашения, но дивизионный генерал требовал от него, чтобы он показался в собрании О...ских знаменитостей. Старик любил его как сына и хвастал им, как продавец птиц ученым попугаем; он едва не считал Валиевича своею собственностью и усердно старался выказывать его при всех важных случаях, при инспекторских смотрах и губернских праздниках.

И в этом старик был прав. Лишь только его любимец показался, бледный и задумчивый, рассеянный и равнодушный, все девушки тотчас обратили на него все свое внимание. Между ними были воспитанницы московских пансионов, прочитавшие тайком Байрона в плохом и бестолковом переводе Виконта д'Арленкура. Одни, воображая видеть в Валиевиче героя романа, немедленно стали преследовать его взорами и мечтами. Другие, коренные обитательницы поместьев, были только знакомы с всемирным Онегиным, и потому их восхищение выражалось искаженным стихом Пушкина, бедного Пушкина, так часто переписываемого ошибочно непоэтическими руками, что его прелестные поэмы обратились в жалкие пародии. Эта страсть переписывать все, что явится на родном языке, отрасль экономии, усердно употребляемая уездными барышнями,- это зло неизлечимое и неизбежное, как подьячие. Это наша родная malattia {болезнь (ит.)}.

- Ах, та снеге {моя милая (Фр.)},- говорила предводительская дочь, небрежно поправляя букли, подозрительно белокурые,- он точно Лара, точно Гяур, и таин-

ствен, и мрачен, и с большими черными глазами! Ты не знаешь, женат ли он?

- Посмотрите,- возразила племянница коменданта, бесприданница, давно пережившая годы опеки и попечительства,- посмотрите, как он интересен, прямой жилец нездешнего мира, бездельный сын злополучия!.. Не слышать, сколько душ за ним?

Так-то рассуждали о Валевице в том углу комнаты, куда редко доходили приглашения разборчивых кавалеров и где зрелые и созревающие девушки имели полный досуг наблюдать и толковать вдоволь. Пригоженькие - а их и в губерниях очень много - танцевали без отдыха, от всей души, но и они мимоходом успевали заметить очарователя своих подруг, и они находили или выдумывали случай пропорхнуть перед ним, надеясь каждая про себя, что если общая веселость бессильна заманить каменного гостя в вихорь танцев, то ей он не может противостоять и должен будет к ее ногам принести повинную голову с приглашением. Однако ж все были обмануты в своих видах. Валевиц не покидал своего места во весь вечер.

Начался котилион. Тут невинный предмет всех тщеславий собрания не знал, куда уйти и как отказаться от непрерывных набегов выбирающих дам. То его приглашали гореть или по крайности обмануть; то его приглашали искать симпатию; то к нему, потупя глаза, приближались *pensee* {здумчивость (фр.)} и *sensitive* {чувствительность (фр.)}, прося его избрать одну из них. Вотще уверял он чество, что никогда не танцует; гостеприимные патриотки (К военным людям так и льнут, А потому что патриотки!.. Горе от ума) не отставали от него и не давали ему ни отдыха, ни сроку.

Партия матушек между тем не зевала: вскоре были собраны все сведения о Валевице, о его родстве, имени и доходах, и кумушки (где ж их не найти?) разнесли эти вести по всем председательницам семейств, могущих обнаружить притязания на молодого полковника. В продолжение двух часов он получил более двадцати приглашений к помещикам в город, за город, в близкие и дальние усадьбы, на именины и запросто откушать и погостить. Он принимал учтивости матушек точно так же, как попытки дочек, отговаривался от них невозможностью отлучиться от должности и оставил бал, не заглядевшись ни на одни глазки, не полубовавшись ни одною ножкой, хотя часто светлые глазки приветно к нему обращались и много стройных, маленьких ножек мелькало около него.

Это был, однако, первый был, на котором он присутствовал с тех пор, как выехал из Петербурга. Давно самолюбию его не приносили столько жертв, столько упоительных предпочтений, давно не бывал он в чаду светских успехов, давно присутствием своим не волновал красавиц. Эти наслаждения его беспечной молодости должны бы были расшевелить и потрясти его воображение, если не сердце, и те ощущения, которые слабеют от частого повторения и освежаются после долгого сна, должны бы были могущественнее востать в груди и голове человека, долго не видавшего света в праздничном его наряде... Но ничего подобного не было.

IV

И так везде, в уединении, в толпе, с товарищами, в присутствии женщин, полковник Валевиц сохранил свою непобедимую холодность, свое гордое отчуждение.

Ни участие людей, готовых стать ему верными друзьями, ни завлечение женских приманок не могли поколебать его закаленного бесчувствия. Верно в душе его лежит какая-нибудь тайна, верно он несчастлив несчастьем сердца, верно будущее не в состоянии исцелить его, а прошедшее унесло в бездну лет роковое событие, навеки сокрушившее судьбу его?..

Но чтобы человек его характера решился самому себе сознаться в злополучии безвыходном, чтобы он решился не таить от света растерзанных ран своих, это злополучие, эти раны должны превосходить меру твердости человеческой. Чтобы поработить, чтобы погнуть душу столь сильную, столь непреклонную, горе и несчастье должны быть глубоки, как море, как море всевластны и неукротимы.

Да, Валевиц несчастлив.

Но чем же больна его душа? Какое чувство в нем страдает?

Не женщина ли заворожила его? Не был ли он коварно обманут ее предательством, ее изменою? Не смерть ли похитила у него возлюбленную?.. Уж верно он не мог найти в любви препон, которых не рушила бы его воля, уж верно ничья власть не дерзнула бы отнять у него того, что он любил! Одно непостоянство, одна смерть могли победить его.

Не прешшение ли, не злоупотребление ли всех благ жизни привели его к преждевременному бесчувствию, к горькому разочарованию во всем, чему верил раньше? Может быть, его бурная молодость погубила, оборвала заранее все цветы жизни, и он теперь осужден платить недобровольным, бедственным равнодушием за безрассудное расточение чувств и мыслей своих. Может быть, несчастный на заре своей жизни истратил весь небесный огонь, данный ему на длинный путь существования, - и теперь полдень его без лучей и без света, и вечер его будет холоден и мрачен!

Не самолюбие ли в нем оскорблено? Вероятно, Валевица сокрушает исключение из гвардии, и он не может забыть блистательного поприща, закрывшегося внезапно перед ним? Вероятно, его сдает обманутое честолюбие и старая рана не перестает ныть в его сердце?

Нет, нет! все не то.

Нет! никогда женщина не была властительницею этого необузданного существа. Никогда ее прихотливые превращения не тревожили его сердца, руководимого светлым рассудком. Он любил, но не тою чистою, пламенною, бескорыстною любовью, которую сулило благородство его души. Нет! он не знал, не испытал ничего подобного: он любил по-светски, как любит молодежь. Он не жег ладана, не сотворил себе кумира, но выбирал игрушку и утешался ею, пока глаза были ослеплены ее красотою, пока голос ее мог принести ему сладкое волнение. Он был повелителем, деспотом, судиею; он железной волею переламывал причуды переменчивой и покорял бесхарактерность слабой. Он не требовал идеального совершенства, не искал всепреданного сердца - нет! он хотел положительного, обыкновенного, того, что встречается легко и оставляется без